

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ Ап. ГРИГОРЬЕВА

В современном гуманитарном дискурсе активно обсуждаются новые подходы к анализу художественных текстов, в том числе и синергетический. В этом плане особый интерес представляет критическая рефлексия, в центре которой философское, культурологическое, естественнонаучное знания. Однако конкретных исследований в области теории литературной критики чрезвычайно мало.

В статье рассматривается теоретическая модель литературной критики Ап. Григорьева, которую можно определить как интегративную. Интегративность определяется особенностью философского видения мира, естественнонаучными представлениями о художественном тексте как части мирового поля, в центре которого ментальные пространства, обусловленные органической сущностью литературы, ее архетипическими и мифопоэтическими особенностями. Искусство и литература трактуются Ап. Григорьевым как явления трансцендентального уровня суть, которых заключается в их органическом живом пространстве, а текст рассматривается как проявление психоментального сознания писателя. Материальная вещественность литературы, текст как физическое и духовное тело соединяются в модели Ап. Григорьева как единое целое и выражается в своеобразном афористическом, метафорическом стиле критических статей.

Ключевые слова: ментальное пространство; критика; интегративная модель; стиль; мифотворчество; интерпретация.

Постановка проблемы. В литературоведении активно обсуждается синергетический подход к исследованию литературных текстов. В этом плане особый интерес представляет критическая рефлексия, о чем неоднократно писали Н. Астрахан, Р. Громяк, Е. Добренко, В. Крылов, и другие литературоведы. Однако, исследований касающихся данного аспекта, чрезвычайно мало, особенно если речь идет о критике середины XIX века, в частности, Ап. Григорьева. Его творческое наследие, на наш взгляд, представляет особую модель мира и человека, которую можно определить как интегративную, то есть состоящую из множества философских, эстетических, психоаналитических и др. составляющих.

Цель статьи заключается в осмыслении значимых теоретических и историко-литературных суждений Ап. Григорьева свидетельствующих о неординарном мировидении критика, критическом дискурсе, интегративности модели. Возникающая концептуальная интеграция с точки зрения Ж. Фоканье позволяет с разных позиций посмотреть на сущность исследуемых объектов (в данном случае критических текстов). Более того центром концептуальной интеграции является совокупность ментальных пространств, возникающих в процессе мыслительной и коммуникативной деятельности. Если рассматривать критический текст как метатекст, имеющий свою научную парадигму, очевидно, что ментальное пространство Ап. Григорьева является элементом его интегративной

модели, ориентирующейся на философско-эстетическое, естественно-научное знание западноевропейской мысли и психоментальное пространство русской классики.

Заметим также, что ментальное пространство характеризуется: во-первых содержанием ментальных объектов (тексты писателей), во-вторых соотносительностью с другими пространствами (по определению М. Тернера – коннекторами) с помощью которых выявляется общее и индивидуальное исходное пространство и его аналоги, в-третьих – ментальное пространство носит динамический характер и способно к новым модификациям о чем свидетельствует, в частности, критика Ап. Григорьева. В 40-е г. XIX века критик опирался еще на опыт гегельянства, но уже в 50–60-е годы, ушел от его идеи к шеллингианству, романтической эстетике, что способствовало созданию «органической критики».

Стремясь доказать необходимость теории органической критики, Ап. Григорьев, интерпретируя ментальные пространства А. Пушкина и Н. Гоголя, А. Островского и И. Гончарова, дополняет их размышлениями о натурфилософском развитии мира и идеями «услышанной информации» (т. е. появлением новых текстов в литературе). В этот контекст вводится собственно григорьевский поэтический и критический опыт (память). Постепенно в процессе критической деятельности, модель Ап. Григорьева опеределяется мифотворчеством. Соотнеся общее (тео-

рия органической критики) и частное (судьба и творчество писателя) Ап. Григорьев приходит к синтезу нескольких ментальных пространств в единую интегративную модель.

Укажем, что в целом ментальное пространство Ап. Григорьева обусловлено следующими факторами: мирозерцанием критика, сформировавшимся под влиянием православной веры, близостью к идеям ранних славянофилов, интересом к архетипическим истокам русской культуры, нашедших отражение в его поэтическом творчестве и литературной критике.

Как нам представляется, в модели Ап. Григорьева можно выделить «входное» пространство, где размещаются полемика с оппонентом и диалог с читателем. Затем возникает родовое пространство, включающее в себя мифы и архетипы, существующие в художественном тексте. Их соединение приводит к так называемому «блендовому» пространству (Ж. Фоканье, Дж. Лакофф), которое становится саморазвивающейся структурой. Блендовое пространство способствует новому концептуальному содержанию. Оно оформляется характерными для Ап. Григорьева концентрическими кругами с повторяющимися метафорами

М. Фуко определяет ментальное пространство художника как «пространство в голове», имея в виду, что весь мир «пропускается» через призму человеческого восприятия и сознания. Таким образом термин «ментальное пространство» синонимичен понятию «внутренний мир» человека. На этот фактор также указывает И. Альми. Ментальное пространство Ап. Григорьева – это прежде всего, мир ценностных ориентаций, построенных на антитезах: свое – чужое, чувственное – рациональное, смиренное – протестующее. Так, в поэзии Ап. Григорьева лирический герой противостоит чуждому ему пространству цивилизации, города. Он – дитя природного мира (отсюда цыганские мотивы свободы, раскованности духа, страсти и др.). Неслучайно свою литературную критику поэт назовет «органической», имея в виду связь художника с природным миром, национальной почвой и трансцендентным,

Космоцентрическая философия Г. Гегеля, столь распространённая в 60-е годы XIX в., ему чужда, ибо в ней заложена идея прогресса, которая «переступает через человека, народ, нацию» (Ап. Григорьев). Этой идее Ап. Григорьев противопоставляет антропоцентрическую модель мира и человека. «Пустынный сеятель свободы» является для него идеалом, ибо он связан с нравственно-национальной идеей топоса. Ментальное пространство Ап. Григорьева формируется под влиянием натурфилософии Ф. Шеллинга, концепция которого обнаруживает единство развития божественной, поэтической идеи и философско-эстетической, естественно – научной модели мира.

Заметим, что литературной критике Ап. Григорьева свойственен интерес и к бинарным оппозициям: верх – низ, сакральное – профанное и др. В связи с этим он обращается к древним истокам христианства: Христос (с его точки зрения) – это отчужденная от человека его поруганная и вместе с тем оставшаяся верной себе душа человеческая, изгнанная с земли и вознесенная на небо. Критик отмечает, что эта идея

нашла отражение в духовных поисках русской литературы, в частности, в творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого: их ориентация на евангельские заповеди как единственно возможному пути человека к спасению души. Концепция «органической критики» заключается в обращении к творчеству как процессу, в котором сознательный опыт бытия и бессознательное души реализуются в осмыслении триады: жизнь – искусство – мораль. Именно поэтому, с точки зрения Ап. Григорьева, литературная критика должна отделять «истинные произведения от искусственных», «деланных», «наносных» и соотносить их с вечным и наднациональным, всемирным христианским идеалом.

Более того, «органическая критика» Ап. Григорьева всегда ориентируется на идеал художника, для которого искусство и нравственность нераздельны, и тем отличается в принципе от критики «исторической», «обуреваемой», по Ап. Григорьеву, бесплодным стремлением: «бесконечному прогрессу», который прерывается и останавливается сменяющимися «произвольно идеалами, рассекающими органическое развитие литературы и искусства». Указанные тенденции и принципы органической критики неизбежно вступали в конфликт с идеями публицистической критики, развивающейся как раз в обратном направлении – не к ментальному «органическому» единству, а к социальному, что приводило, с точки зрения Ап. Григорьева, к разобщенности, раздробленности мира и человека.

Как известно, литературная критика этого периода характеризуется несколькими тенденциями. Первая заключалась в утверждении достоинства человека только в социуме (Н. Добролюбов); вторая – в осмыслении «вечной души», сохраняющей себя в нетленном виде перед лицом тяжкого, страшного, непонятного исторического опыта (Ап. Григорьев).

В этой связи любопытно, что когда уже в критике Н. Чернышевского была создана концепция «лишнего человека» и нового героя, Ап. Григорьев выдвинул идею деления литературных героев на «смирненных» и «хищных», причём к коренным национальным типам он относил создание характеров смиренных, близких к народной почве. К сожалению, указывает критик, Н. Гоголь не пошел по пути А. Пушкина. Критик напишет о страшном перевороте в жизни писателя, об эпохе его «болезненного уклонения» от цельной и гармонической художественной природы [1, II, с. 64]. И далее, ещё определённое: «Смерть помешала великому художнику разделаться с печальной теорией, сузившей его кругозор, породившей эстетически и нравственно безобразные скелеты Улиньки, Костанжогло...»

Все приведенные размышления критика связаны с тем, что существенное место в модели Ап. Григорьева отводится идее, понимаемой как материально-телесновещественная явленность. Эту материальную вещьественность нельзя осознавать как традиционные логические категории. Принципы литературной критики Ап. Григорьев называет «чувственными», ибо духовное реализуется здесь как живая материаль-

ность: «Всё идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального» [1, II, с. 81].

Для теоретика и поэта в органическом мире нет ничего мёртвого. Все тела, все вещи и предметы наделены, по мнению критика, «психичностью». В синкретизме духа и материи, в диффузной сцепленности тела и психики он видит удивительный феномен жизни как нераздельной целостности. «Я ничего не искал и не ишу, – писал он, – как указать на тождество законов органического творчества в явлениях мира психического (духовного) и соматического (материального)» [1, II, с. 81]. Думается, что такое восприятие мира можно назвать мифологическим. Метод Ап. Григорьева в таком случае является мифотворческим, ибо с его точки зрения литературное произведение – это всегда непременно живое произведение, «стройный и живой мир». О художественности произведения можно говорить лишь в том случае, замечал он, если она осязательна в целостности изображенных явлений, вещественна и предметна. Всё, что не находит своего форменного, телесного воплощения, оказывается иллюзией. Для критика важным является рассмотрение искусства как «органического продукта жизни». Он убеждён в тождестве органических форм жизни и форм эстетических. Рационалистичность, аналитичность критиком не принимаются. С его точки зрения, творчество начинается с благоговейной художественной религиозности, т.е. с уважения к жизни и смирения перед нею. Творчество представляет «синтетическое, цельное, непосредственное, интуитивное разумение жизни» [1, II, с. 114]. Естественно, что при таком понимании искусства художественные произведения, с точки зрения критика, «идут от образов, а не от идей» [1, II, с. 42].

Ап. Григорьев размышляет о том, что если жизнь и её формы есть нечто органическое, природное, чувственное, вещественное, а искусство – результат интуиции и трансцендентного, то и оно есть такая же чувственность, такое же тело, вещь или предмет. Научное и поэтическое сливаются в размышлениях критика. Очевиден синкретизм концепции Ап. Григорьева.

Мифотворчество, заставляющее «органическую критику» одухотворять художественный образ и отождествлять его с жизненной материальной предметностью, отражалось в весьма своеобразном стиле, который характерен для творческой индивидуальности Ап. Григорьева. Стиль этот является отражением противоречивых суждений критика, которые часто принимаются за «несообразности». Существенной особенностью всего мифотворческого стиля мышления Ап. Григорьева, базирующегося на принципе «всё во всём», следует признать текучесть тех категорий, которыми оперирует критик. Ап. Григорьев часто нагромождает категории бытия на понятия об искусстве, в связи с чем жизнь и произведения искусства предстают как некое характерологическое целое. Многие сущностные понятия и категории, такие, как: реальность, искусство, художественный образ, не имеют чётких определений и границ. Стиль Ап. Григорьева можно назвать сущностно-текучим или понятийно-диффузным. Укажем на суждение

А. Лосева: «Текучсущностный стиль заключается в постоянном перекрытии одного понятия другим или одного образа, или символа, другими образами, или символами. Это есть только результат того, что всякая сущность у него берется не только сама по себе, но почти всегда ещё и в своем совпадении с явлением, то есть с проявлением сущности» [3, с. 107].

В статье «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» критик пишет, что оригинальность художественного мира драматурга складывается из: 1) новаторского содержания его произведений; 2) «новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам»; 3) новаторства «манеры изображения» и 4) своеобразия языка «в его цветистости, особенности [1, II, с. 114]. С нашей точки зрения, Ап. Григорьев сумел увидеть и морфологические (поэтологические) элементы художественных явлений. И если даже он и не занимается специальным изучением морфологических аспектов искусства, то его научная память отлично знает такую эстетическую категорию, как мера [1, II, с. 178]; не теряет из виду классификацию искусств, произведенную в свое время Лессингом [1, II, с. 138]; оперирует понятием о родовых и жанровых образованиях [1, II, с. 201]. В статьях критика находим и вполне смелые высказывания об исторической динамике художественных форм, их изменчивом и прихотливом переосмыслении в различные культурно-исторические эпохи. Интересна мысль о том, что критик «должен идти таким путем... что обязан помнить, как технические требования, требования вкуса в разные эпохи изменялись, как многое, что современники считали у великих мастеров ошибками, потомки признали за достоинство, и наоборот» [1, II, с. 205].

Таким образом, внимание к конструктивной стороне искусства не чуждо «органической критике». Бесспорно, структурно-морфологические наблюдения не были системными и не имели в «органической критике» программного содержания. Романтическая интуитивность, стихийность отражались не только в идеях Ап. Григорьева, но и в формах его статей. Принцип построения статей критика характеризуется отсутствием плана, логики. Н. Страхов писал, что, начиная свою статью, он никогда не знал ее конца» [1, II, с. 28]. Так, например, статья об И. Тургеневе («И. С. Тургенев и его деятельность») задумана в двух частях, ибо после второй части было написано «окончание», но затем появились еще две части, которые были написаны экспромтом, переходы от одной части к другой неожиданны, часто несоразмерны. Ап. Григорьев как бы забывал о задачах статьи и размышлял о явлениях естественно-научных, не имеющих отношения к теме. Статья превращалась в «бесконечную беседу или речь».

Особенности стиля Ап. Григорьева воплотились в его лексике. Частыми являются такие эпитеты, как «живорожденный», «допотопный», которые применялись при оценке эстетических явлений. Оригинальными были сравнения критика. У Ап. Григорьева есть сравнения как традиционные для литературной критики середины XIX в., например, библейские образы или русские поговорки, так и совершенно оригина-

льные. Например, характеризуя героя романа Писемского «Тюфяк», Ап. Григорьев пишет: «Человек умный и не бездарный, хоть и медведеватый, как Павел Бешметов, человек, которого коснулись, и даже не поверхностно, а основательно, наука, искусство, современное развитие идей, – живет со своим старым наследственным звериным хвостом, лелеет и холит его, даже нет-нет да обмокнет его, этот драгоценный пушистый хвост, в грязную лужу и мазнет им ближнего по физиономии» [1, II, с. 431].

Иногда сравнения Ап. Григорьева занимали несколько страниц текста. Например, сравнение романа «Дворянское гнездо» И. Тургенева с незавершенной живописной картиной. Однако есть у критика и краткие ироничные сравнения. Так, например, особенности мужских и женских характеров в комедии

А. Грибоедова «Горе от ума» сравниваются с кошачьими и собачьими повадками; фигуры на картинах Фра Беато – с «селедками» и т. д.

Ап. Григорьев склонен к повторяемости сравнений, переходящих из статьи в статью. Например, «гомункулус Вагнера», «змея, кусающая свой хвост», «Сатурн, пожирающий своих детей» и т. д.

Таким образом, мифологичность мышления критика бесспорно оказала влияние на ментальное пространство Ап. Григорьева. Статьи критика остаются незавершенными, составленными из разных фрагментов. В их основе интуиция критика, культ «непосредственности», чувственности восприятия, естественно – научное и философское знание, создающее блендовое пространство интегративной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Ап. Соч. : в 2 т. / Ап. Григорьев. – СПб. : Издание Н. Страхова, 1879. – Т. I–II.
2. Иванова Н. П. Мир как автопортрет (Литературный пейзаж и ментальное пространство автора в русской прозе XIX века) / Н. П. Иванова. – Симферополь : Ариал, 2010. – 386 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1980. – 737 с.
4. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1976. – 104 с.
5. Современная наука : актуальные проблемы и пути их решения. – № 7. – 2014. – С. 137–140.

Н. М. Раковская,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, г. Одесса, Украина

МЕНТАЛЬНИЙ ПРОСТІР В ІНТЕГРАЦІЙНІЙ МОДЕЛІ Ап. ГРИГОРЬЄВА

У сучасному гуманітарному дискурсі активно обговорюються нові підходи до аналізу художніх текстів, у тому числі синергетичний. У цьому плані особливий інтерес представляє критична рефлексія, в центрі якої філософське, культурологічне, природні наукові знання. Проте конкретних досліджень, що до теорії літературної критики надзвичайно мало.

У статті розглядається теоретична модель літературної критики Ап. Григорьева, яку можна визначити як інтеграційну. Інтегративність визначається особливістю філософського бачення світу, уявленнями про художній текст як частину світового поля, в центрі якого ментальні простори, обумовлені органічною природою літератури, її архетипічними та мифопоетическими особливостями. Мистецтво та література трактуються Ап. Григорьевим як явища трансцендентального рівня суть, яких полягає в їх органічному живому просторі, а текст розглядається як прояв психоментальної свідомості письменника. Матеріальна речова літератури, текст як фізичне та духовне тіло з'єднуються в моделі Ап. Григорьева як єдине ціле та виражаються у своєрідному афористичному, метафоричному стилі критичних статей.

Ключові слова: ментальний простір; критика; інтеграційна модель; стиль; мифотворчість; інтерпретація.

N. Rakovskaya,

Odessa national university of I. I. Mechnikov, Odessa, Ukraine

MENTAL SPACE IN INTEGRATIVE MODEL OF THE Ap. GRIGORIEV

Creative heritage of the Ap. Grigoriev occupies a special place in the history of literary criticism of the mid of XIX century. However, there is no active interest to it in the modern literature science. Applying different methods of study, it should be pointed out that the collection of the critical model of Ap. Grigoriev represents a particular system.

His model provides integrative character because it possesses reflection with West European philosophical esthetic and natural-science thought and Russian culturologic space. Studying the model of the Ap. Grigoriev as integrative gives the opportunity to see in his articles an accurate logical design and, at the same time, an inter subjectivity.

Components of the specified model are mental spaces of Russian classics, from Grigoryevsky's interpretation of creativity of A. Pushkin and to F. Dostoyevsky. Creation of essentially new concept of «organic criticism» has been connected with a patriarchal world feeling of the critic. In turn both Shelling's idea of transsendal and Slav's feeling ideas of people and national influenced on world seeing model of Ap. Gregory. The judgment of ideas of literature as

parts of «a live organism» (physiophilosophy), the literary text as alive, natural body which has absorbed in itself psychological and mental states, genetic and acquired became also significant.

Considering that the integrative model consists of a number of mental spaces, the subject perception of Pushkin harmony, Lermontovsky's and Gogol's disharmony, a mythological poetics of N. Ostrovsky, N. Goncharov, archetypical and psychological of L. Tolstoy and early F. Dostoyevsky is considered (so the information including experience of the subject (memory) and direct presence of the critic in modern to him literary space.

Thus, the evidential base of literary critical heritage of the Ap. Grigoriev as a system, but not completed is formed.

Key words: mental space; criticism; integrative model; style; formation of myths; interpretation.